

Дежурка и свежие головы: как работал «МК» в семидесятые

Журналистов в газете было немного, и жили они не сахарно

В прежней редакции имелись уникальные документы времени, которые в свое время никто не оценил, поэтому вряд ли они уцелели. В штабе выпуска газеты – маленькой комнате под названием «дежурка», где ежедневно отчаянно боролись с действительностью дежурный редактор и заместитель ответственного секретаря, отвечающие головой за выпуск очередного номера, – лежала амбарная книга, куда эти несчастные должны были заносить все события, постигшие мир и редакцию за текущие сутки.

Для тех, кто провинился – опоздал на «уточниловку», которая проходила ровно в десять утра и ни минутой позже, не огласил «весь список, пжлста» материалов, идущих в номер от конкретного отдела редакции, вообще натворил чудес в течение дня, эта книжка становилась настоящим кондуитом. Одна строчка от руки в дневнике происшествий могла собрать экстренный сбор редколлегии, по итогам которой сотрудника ждала кара – от выговора до увольнения. В зависимости от масштаба проступка.

Ах, если бы найти сегодня все бесценные фолианты, на страницах которых дежурные редакторы и свежие головы (сотрудники, приступавшие к отлавливанию ошибок в шесть вечера) изливали душу в самой непринужденной литературной форме – стихах,

прозе, выражениях близких тому, что нынче называют общенной лексикой! Вся история газеты, ее мятежный творческий дух, царивший несколько десятилетий прошлого века, когда велись эти журналы времени, встали бы перед армией читателей в полный рост.

В особенный отрыв на страницах кондуита уходили «свежие головы» – а это были акулы пера, каждый день сменявшие друг друга по месячному графику. Особенно яркими были их откровения в те ночи, когда благодаря потоку новостей, приходивших из главных штабов партии и правительства, им приходилось засиживаться в дежурке до самого утра.

Вместо того чтобы разговаривать с привидениями – а больше никого на третьем этаже и не оставалось, – они вели творческий диалог с кондуитом, оставляя на его страницах сгустки накатовавших эмоций.

У меня под рукой драгоценных документов нынче нет, но, закрывая глаза, я снова и снова вижу эти потрепанные страницы. И даже помню пару-тройку эмоциональных всплесков:

Конференция, конференция...

У меня от тебя инфлюэнция!

Это отклик на какой-нибудь партийно-комсомольский форум, затянувший выход номера часов до пяти утра.

Шедевр, автору которого я отдала бы все премии мира за самое точное выражение чувств людей, день ото дня пребывавших в дежурке в чудовищном стрессовом режиме:

Мука перемелется в мукУ,

Вывезут газетные страницы,

И увидят новую МКу

Сонные читательские лица.

Несмотря на наличие поэтов в штате редакции, газета выходила все же в прозаическом варианте. В 70-е на полосе «Сверстник», странице для старшеклассников, время от времени появлялись стихи, которые школьницы вырезали и клеили или просто переписывали в тетрадки. Некоторые помню наизусть.

Стихов Нины Стожковой, с которой мы познакомились в редакции позже, увы, не помню. Она уже вовсю писала прозу жизни в отделе не для школьников, но ее веселый, простодушный нрав и вечная неугомонность со временем взяли свое, и сегодня бывшая корреспондентка «МК» – детская писательница, сценарист, автор детективных романов. Почему-то в Википедии указано, что Стожкова – ее творческий псевдоним. Но передо мной лежит черно-белая фотография юной Нины – с ее привычной бесшабашной улыбкой – среди воспитанников нашего подшефного детского дома, что жил тогда на Красной Пресне (надеюсь, я верно идентифицировала место и участников той съемки). И какая из нее Грозова?

Не зря журналисты и писатели редко берут в загсе фамилии своих будущих семейных половин. Она взяла. Но для меня Нинон (так часто называли ее в нашем длинном коридоре) навсегда останется Стожковой. И я никогда не забуду первого задания в отделе комсомольской жизни г. Москвы, который попросту называли городским.

Школьная тематика резко перестает интересовать человека в 17 лет, и я поехала на взрослое дело – целый день каталась в кабине водителя трамвая из депо имени Апакова и сделала бойкий репортаж. Еще не понимая, как пишут о рабочей молодежи, страшно переживала, что текст не пройдет. Нинон встретила меня в коридоре своей обычной жизнерадостной улыбкой и сказала: «Ну ты, того, нормально написала. Я там только пару слов поправила».

Журналистов в газете было немного, и жили они не сахарно. Основную массу составляли люди, получавшие только гонорары. План составлял 1200 опубликованных строк в месяц. И то, что

могло здорово попасть за невыполнение нормы, было не самой страшной бедой. Молодые честолюбивые люди, рвущие жилы на тяжелой журналистской ниве, тоже иногда хотели кушать. Чтобы заработать право быть зачисленным на полставки, которая составляла 65 рублей, нужно было реально надорвать пупок, печатаясь каждый день чуть ли не на всех четырех полосах.

Помню, в свое время мне даже со спортивного марафона, от которого была страшно далека, довелось заметку написать в такой же период. И так рвались к следующей ступени бытия в газете все. По крайней мере, во времена справедливого управления процессом.

Когда тебе объявляли о долгожданном переводе, ты падал замертво и минимум полгода ненавидел даже вид и звук пишущей машинки. Новые нормы (1000 своих и 800 отредактированных строк под названием «отработка») шли под откос, через полгода тебя грозили снова вернуть на гонорар, ты подскакивал и мчался оправдывать ожидания. Это жуткое состояние выжатого до последней клеточки лимона называли «синдром полставочника». Когда болезнь получила название, ее начали даже признавать и прощать – но только в отношении особо одаренных сотрудников, за которых редакция всегда держалась двумя руками.

Так вот Нинон в 1976 году была полставочницей, а я – ее «отработкой». Хотя уже работала в редакции. Но еще не корреспондентом.

А одно стихотворение Стожковой неожиданно нашла недавно в своем архиве – на старой пожелтевшей «собачке» (для миллениалов – титульный лист материала, сдаваемого в печать). Знаю, брак, изменивший ее фамилию на Грозову, оказался не самым счастливым. Но стихотворение, напечатанное на слепой редакционной машинке, бьет в самое сердце.

Мне снится сон, что мужа моего

Призвали на войну военврачом.

Вот мы стоим. Ему всё нипочем.

А я вокруг не вижу ничего.

Оркестр играет марш в который раз,

У дирижера – мокрая спина.

Да, это он! Но на земле война –

Не время вспоминать десятый класс.

Не место узнавать невдалеке

Учителя, седого, словно дым,

И тех, кто нынче строится за ним,

Тепло родной руки зажав в руке.

Мне снится черно-белый страшный сон,

Что всех, кого любила в жизни я,

Объединил, как центр бытия,

Старинный марш прадедовских времен.

Что женщины стоят лицом темны,

А листья все летят с деревьев прочь...

Придет ли наконец такая ночь,

Когда не будут сниться эти сны?

ВСЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ

В пятом-шестом классе, даже будучи москвичкой, я не подозревала о существовании газеты «Московский комсомолец». Ассортимент изданий был не так велик, как сейчас, но многие, в том числе и «МК», выходили не по своей воле ограниченным тиражом.

Помню, как поразили меня в свое время строчки интервью Юрия Трифонова, которые увидела в те годы, когда его имя гремело на всю страну.

«Что вы считаете главным событием вашей творческой жизни?» – на этот вопрос из своего, как оказалось, последнего интервью, напечатанного в «Литературке» в марте 1981 года, Юрий Трифонов ответил: «Появление в газете «Московский комсомолец» моего первого рассказика. Это случилось в 1947 году».

Я, конечно, куда более скромный труженик пера, но, к своему изумлению, помню час и место, где узнала о газете, ставшей в дальнейшем моей судьбой. Одноклассница Таня Гольцева чуть не треснула меня портфелем по голове, когда мы возвращались домой из школы. Она сделала круглые глаза и закричала: «Какая «Комсомолка»? Ты что, обалдела? Есть только одна газета, которую нужно читать».

И с тех пор я читала ее буквально запоем. Мало того, я почему-то нахально решила, что и сама могу туда что-то написать. Вспоминаю об этом малозначительном в мировом масштабе факте, потому что, с трепетом отправив по почте письмо с заметками, накарябанными детским почерком на листках из школьной тетради, я получила ответ из редакции! В толстенном конверте! Храню его до сих пор. Показываю тем, кто не верит, что так бывало.

Процитирую отрывки, потому что сотрудница отдела писем «МК» написала мне убористым почерком целых 5 (!) страниц.

Изучая содержание, важно помнить, что это происходит в начале 70-х годов прошлого века.

«Извини, что заставляю тебя разбираться в моих каракулях, но письмо, вероятно, будет немаленькое, а в машбюро очень много работы. Так что из сочувствия к нашим машинисткам потерпи.

Сначала официальное сообщение: твои материалы передала в отдел учащейся молодежи, потому что у нас четко разделена тематика отделов и без их ведома материалы на школьные темы не

проходят. Кроме того, там работают умные, внимательные люди. Не думай, что я поленилась поработать с твоими заметками. Напротив – мне было очень приятно познакомиться с тобой. Но цель-то в том, чтобы помочь, а здесь «учмол» сильнее меня.

Если тебе будет интересно (Карл! Она еще спрашивает!), выскажу свое мнение по поводу того, что ты прислала».

Далее шел подробный разбор моих творческих дерзаний. Потом, почти без всякого перехода, – о человеке, имя которого я услышала впервые именно из уст скромной сотрудницы «МК». Обращаю внимание на контекст – в годы застоя и отсутствия гласности, до которой еще пара десятилетий:

«Недавно мне попался кусочек автобиографии П. Флоренского. Это человек универсальных знаний: один из создателей плана ГОЭЛРО, талантливый инженер, преподаватель курса «Анализ пространственности в художественных произведениях», профессор Высших художественных мастерских (ВХУТЕМАС), лингвист, иконограф и т.д. В 1937 году его арестовали. Он умер очень скоро где-то в Сибири в концлагере. Так вот, в журнале «Прометей» (№ 9, 1972 г.) я прочитала его воспоминания о раннем детстве, о том, как он еще мальчишкой воспринимал море. По-моему, это сплошная музыка... Вот тебе в подарок кусочек».

И – целая страница от руки, убористым почерком переписанная специально для меня. Кусочек из Флоренского.

Под конец же, когда я была почти оглушена обрушившимся на меня внезапным вниманием, корреспондент газеты «Московский комсомолец» Галина Лаврушина еще и постаралась сгладить впечатление от замечаний, которые сделала моим заметкам: «Твое письмо прими к сведению, но особо на него не ориентируйся, так как оно очень субъективное. К тому же я человек грубоватый: если нечаянно обидела – извини. Всегда буду рада получить от тебя письмо. Если захочется поговорить о чем-то, пиши. Как смогу, отвечу».

Получить сейчас подобное письмо из какой-либо редакции – даже

представить себе невозможно!

А между тем загадочная Галина, которую мне так никогда и не пришлось увидеть воочию, невольно сподвигла купить книгу, которая стала для меня первым учебником журналистики. Я чудом увидела ее на полке магазина, полистала и прижала к сердцу на долгие годы. Это был сборник статей и писем Александра Твардовского в бытность его главным редактором «Нового мира». Сколько точных и интересных замечаний он в легкой и остроумной манере делает авторам! Писатель, поэт, главный редактор, занятой человек, а тоже пишет, не жалея себя и времени, длиннющие послания читателям и авторам журнала.

Недаром в те годы была придумана мера стойкости журналиста – «один твард». Правда, ею измеряли противостояние писателя с властью. Но и в повседневной жизни главреда нелишне было задействовать этот ресурс.

И еще один урок из письма Галины мне запомнился на всю жизнь. Корреспондент отдела писем оценивала мою заметку об отце, в которой я описывала, как наблюдаю его у телевизора, когда показывают встречи однополчан, нашедших друг друга после Великой Отечественной. Он ушел на войну из алтайской тайги, прошагал пол-Европы, расписался штыком на рейхстаге и остался военным навсегда. Ему очень хотелось найти боевых товарищей, но тогда это было непросто. И я увидела слезы на глазах у человека с иконостасом боевых наград на парадном мундире.

Журналистка «МК» призвала меня тогда беречь чувства близких. Всегда думать о том, как они отнесутся к каждому слову, вынесенному на общественное обозрение. Привела пример: однажды она в статье дала описание девушки, из которого вытекало, что та, осторожно говоря, не красавица. Героиня статьи была уязвлена и обижена. «До сих пор не могу себе этого простить. Женщины и так болезненно переносят разговоры о своих несовершенствах, а тут их еще и размножили 50-тысячным тиражом (мы попутно узнали, сколько экземпляров «МК» выходило в начале 70-х). Не хватило мне такта и чуткости».

Продолжение следует.

Наталья Ефимова

